

К счастью, лекарь еще не ушел на вызовы. Выслушав рассказ Ли Эр-лана, он тут же заглянул Туань-лану в горло.

На этот раз Туань-лану повезло родиться в рубашке! Обошлось. Лекарь убрал инструменты, но в душе все еще содрогался от страха за мальчика.

Каждый год случаются трагедии, когда дети давятся едой. Если не удастся извлечь предмет, остается только беспомощно смотреть, как ребенок умирает. К счастью, Туань-лан выплюнул финик. Иностранное тело травмировало горло, из-за чего он потерял голос, но лекарства не нужны, все заживет само. Запомните: в ближайшие дни еда должна быть мягкой, нельзя снова травмировать горло.

Осмотрев голосовые связки Туань-лано и убедившись, что угрозы нет, лекарь покосился на Ли Эр-лана: Ты оказался осторожным — привел его к врачу. Некоторые, увидев, что малыш выплюнул посторонний предмет, не придают этому значения. Они не знают, что иностранное тело повреждает гортань. Когда такие больные приходят на осмотр позже, ребенок уже не может говорить, и даже если его вылечат, голос будет не тот, а в тяжелых случаях люди и вовсе навсегда теряют дар речи. Смотри у меня впредь в оба, не позволяй ребенку тащить в рот всякую дрянь. Если не заметить вовремя, тут даже бессмертные не помогут.

Зная о травме ноги Ли Эр-лана, лекарь осмотрел его, сменил мазь на другую, способствующую скорейшему заживлению, еще раз строго велел беречь ногу и только после этого отпустил обоих.

Ли Эр-лан то и дело кланялся, подтверждая слова доктора, тысячу раз поблагодарил его, уплатил за визит и лишь затем, прижимая к груди Туань-лано, вышел из медицинской лавки.

По дороге Ли Эр-лана наконец настиг запоздалый страх. Он и не подозревал, что столько людей гибнет из-за того, что подавились едой. На смену испугу пришла острая волна благодарности.

Благодарности тому благодетелю, который спас жизнь Туань-лано.

Но когда дело дошло до благодетеля, Ли Эр-лан растерялся, не зная, как поступить.

Толкнув калитку, он прижал к себе Туань-лана и замер в нерешительности перед кабинетом. Потоптавшись туда-сюда, он так и не осмелился войти.

В конце концов, происходящее выглядело слишком странно. Как может картина разговаривать?!

После долгих колебаний любопытство и чувство благодарности все же пересилили. Ли Эр-лан вошел в кабинет вместе с Туань-ланом и приблизился к полотну.

Цзи Цинъюэ с бесстрастным видом точил камень. То ли дело было в самом камне, то ли еще в чем, но лезвие постоянно выкрашивалось. Стоило ему поработать немного, как приходилось останавливаться и снова приниматься за точильный брусок, и сколько бы камней он ни менял, результат оставался прежним. Может, здешний камень недостаточно твердый и дело в его излишней хрупкости?

Да и о малыше он не знал — все ли у того хорошо? Из-за терзавших его тревог рубить деревья совсем не тянулось.

Снаружи слышались нерешительные шаги. Цзи Цинъюэ замер, подумав, что это, должно быть, Ли Эр-лан.

Что бы тот ни задумал делать, подавать голос ни в коем случае нельзя.

Прятать голову в песок.

— Только что лекарь осмотрел Туань-лана, сказал, что с ним все в порядке, — Ли Эр-лан нервно подбирал слова, говоря медленно и с расстановкой. — Полагаю, вы и есть тот «бессмертный», о котором упоминал Туань-лан? Раньше мы не решались воспринимать это всерьез...

Цзи Цинъюэ мысленно хмыкнул: раз уж ты так решил, поделать я ничего не могу.

Ответа не последовало. Ли Эр-лан в тревоге почесал висок: — Э-э... надо полагать, Сы-лан тоже получил ваши наставления... он так прекрасно растолковал «Шан дажэнь»...!

Цзи Цинъюэ по-прежнему игнорировал его, продолжая точить камень и наблюдая, что еще скажет Ли Эр-лан.

— В общем... бессмертный, спасши Туань-лана, вы спасли всю нашу семью. Мы вечно будем помнить вашу доброту! — Ли Эр-лан смотрел на свиток, и в его глазах читалась твердая решимость.

Хижина на картине в какой-то момент снова пожелтела, и то чудесное знамение в прошлый раз наверняка было сотворено бессмертным.

Не дождавшись ответа Цзи Цинъюэ, Ли Эр-лан был вынужден отступить. У него оставались неотложные дела, а раз уж Цзи Цинъюэ не желал с ним разговаривать, можно подождать до следующего раза. Главная цель его визита была достигнута — он сообщил, что Туань-лан в безопасности. С этими мыслями он взял мальчика на руки, вернулся во двор и продолжил сортировать фрукты.

После пережитого потрясения Ли Эр-лан больше не выпускал Туань-лана из поля зрения, да и

сам мальчик изменился. Утром он побывал на волосок от смерти, а вернувшись, стал гораздо тише и теперь послушно сидел рядом с Ли Эр-ланом, играя сам с собой.

Приближалось время обеда, и члены семьи, уходившие собирать фрукты, один за другим возвращались во двор. Едва переступив порог, они увидели Ли Эр-лана: тот стоял, опустив голову, молчаливый и виноватый, словно провинившийся школьник.

Матушка Ли сразу почуяла неладное: — В чем дело? Что ты опять натворил?

Ли Эр-лан рухнул на колени перед Сюй Цин, да так истово, что та испуганно отшатнулась. Она не понимала, что происходит и с чего бы Эр-лану отвечать ей столь глубокие поклоны. — Ты... что это?

Опустив взгляд, она мельком глянула на Туань-лана: руки и ноги целы, стоит себе и послушно жмет к ее ноге.

Матушка Ли и бабушка Ли взвизгнули: — Ты что, ноги своей лишиться захотел?!

Ли Сань-лан выглядел озадаченным, но молчал.

— Невестка, я виноват.

Стоя на коленях, Ли Эр-лан в деталях пересказал утреннее происшествие. Сюй Цин тут же опустилась на корточки, чтобы осмотреть горло мальчика: хотя лекарь и сказал, что все хорошо, ей нужно было убедиться во всем самой.

Голос Туань-лана еще не восстановился, и он с трудом выдавил хриплые слова: — Ама... я в порядке... не бейте второго дядю...

Матушка Ли со злости отвесила Ли Эр-лану увесистую затрещину, но тот даже не попытался увернуться. Бабушка Ли бросилась к Туань-лану и, прижимая его к себе, не переставала благодарить небеса за спасение.

Слава богу, обошлось.

Матушка Ли ткнула пальцем в среднего сына и принялась отчитывать его на чем свет стоит: — До чего же ты беспечен! Как ты мог позволить Туань-лану бегать одному?! Случись что на самом деле, это же разорвало бы сердце твоей невестки! Небеса хранят нас! Небеса хранят!

Ли Эр-лан молча смотрел в землю, не смея поднять глаз. Если бы не спаситель-бессмертный, их семью сейчас постигло бы страшное горе.

Раз уж Туань-лан не пострадал, а Ли Эр-лан искренне раскаялся, Сюй Цин, испытывая одновременно жалость и досаду, решила простить его: — Поскольку с Туань-ланом все в порядке, давай закроем эту тему. Впредь все мы должны быть предельно осторожны.

— Да, спасибо, невестка, что простила.

Ли Сань-лан помог Ли Эр-лану подняться. Окинув взглядом травмированную ногу брата и убедившись, что ничего страшного не произошло, он проводил его до места и усадил.

Ли Эр-лан устроился на канге, а Ли Сань-лан закатал ему штанину, чтобы заново смазать рану лекарством.

Ли Эр-лан хранил непривычное молчание. То, что произошло сегодня, он рассказал не до конца. Стоит ли говорить об этом Сань-лану?

— Второму братцу есть что сказать — говори, — Ли Сань-лан словно затылком чувствовал, что у Ли Эр-лана на уме вертится невысказанное.

Поразмыслив как следует, Ли Эр-лан решил умолчать о существовании бессмертного. В конце концов, даже когда Ли Сы-лану до опухоли отходили задницу розгами, тот ни словом не обмолвился о человеке на картине, а значит, бессмертный определенно не хочет, чтобы кто-то знал о нем.

Он на ходу придумал отговорку: — Я просто терзаюсь угрызениями совести, перед невесткой виноват. Хорошо еще, что сегодня Туань-лан не пострадал, иначе я бы не посмел и глянуть в глаза старшему брату и невестке.

Ли Сань-лан вздохнул и убрал баночку с мазью: — Раз уж Туань-лан избежал беды, а невестка согласна забыть об этом, прости и ты себя. Впредь будем осмотрительнее и больше не станем подвергать Туань-лана опасности.

В эту ночь Цзи Цинъюэ, умотавшись за целый день, по идее должен был уснуть едва коснувшись головой подушки. Но из-за сильного голода сон никак не шел. Ему оставалось лишь лежать, глядя на звезды и пережидая приступы голода.

Может, завтра выдернуть парочку недозрелых пучков зелени, чтобы заморить червячка?

— Бессмертный?

Тихий, нарочито приглушенный голос донесся снаружи. По звуку Цзи Цинъюэ сразу узнал Ли Эр-лана.

И что его принесло среди ночи?

Цзи Цинъюэ решил проигнорировать его и продолжил лежать, уставившись в пустоту.

— Бессмертный, вы еще не спите? Я тут принес вам кое-что поесть! — заметив, что Цзи Цинъюэ не отзывается, человек за картиной и не подумал сдаваться, настойчиво продолжая звать: — Прошло уже столько дней, лепешки, что давал Сы-лан, вы наверняка давно доели. Я тут раздобыл немного еды — пусть это остатки Туань-лана, но вкус отменный. Это рисовая каша, которую приготовила матушка, в нее в этот раз даже добавили мелко порубленную баранину с яйцом и сбрызнули по кругу кунжутным маслом. Я зачерпнул целую пиалу, да еще прихватил парочку паровых лепешек... Бессмертный, как мне передать их вам?

Цзи Цинъюэ больше не мог лежать. Одним движением он подскочил, раздумывая ровно секунду, сунул ноги в обувь и вышел из хижины.

Из-за денег люди идут на плаху, из-за еды птицы попадают в сети — перед лицом голода теряет значение все остальное.

— Протяни к картине.

Цзи Цинъюэ наконец подал голос. Ли Эр-лан пришел в крайнее воображение и поспешил исполнить сказанное, поднеся миску к самому полотну. Не прошло и мгновения, как содержимое его рук непостижимым образом исчезло.

— Кушайте на здоровье, бессмертный, а я пойду спать.

С этими словами Ли Эр-лан радостно заковылял обратно.

Ощувив тяжесть в руке, Цзи Цинъюэ чуть не прослезился от умиления.

Вернувшись в хижину и заглянув в посуду, он ахнул: Ли Эр-лан принес целую гору еды. Огромная глубокая миска горячей густой каши с мелко нарезанным мясом и яйцом, щедро политая по кругу кунжутным маслом — аромат стоял потрясающий, — а к ней еще пять паровых лепешек размером с ладонь.

У Цзи Цинъюэ дрожали руки, когда он держал еду. В мгновение ока он умял всю миску каши до последней ложки.

Ик! — Цзи Цинъюэ издал громкий сытый отрывок.

Ему выпала редкая возможность ощутить желудком сытость — это было просто блаженство.

Другие попададанцы получают читы или системные рояли, а у него — ничего, только перманентное чувство голода. Землю паши сам, семена добывай где хочешь, огонь добывай трением. На свете вообще существовал кто-то более несчастный, чем он?

Цзи Цинъюэ с аппетитом слопал две паровые лепешки. По текстуре они напоминали толсто раскатанное тесто для пельменей, приправленное солью, и приятно жевались. Он ел и радовался жизни.

На следующий день, вполне предсказуемо, Цзи Цинъюэ разбудил знакомый визгливый крик матушки Ли, доносившийся со двора: — Этот вор опять приходил!! Из кухни снова пропала еда!!

По сравнению с прошлым разом семейство Ли отреагировало гораздо спокойнее. Одевшись, они вышли наружу, и бабушка Ли поинтересовалась, что именно пропало. С каменным лицом матушка Ли ответила: — Пропала баранья каша, что оставалась у Туань-лана со вчерашнего вечера, и несколько паровых лепешек...

На этот раз Сы-лана дома не было. Вор сам стащил или... кто-то другой?

Ли Эр-лан, чья нога все еще болела, вышел последним, двигаясь неторопливо. Сонно зевнув, он виновато признался: — Матушка, это не вор. Это я.

— Ты?! — матушка Ли поперхнулась воздухом. — Ну ладно лепешки, но зачем ты съел кашу Туань-лана?!

Ли Эр-лан держался с видом оскорбленной невинности: — Ночью меня так сморил голод, а от каши исходил такой умопомрачительный запах... Я виноват!

Поскольку они как раз недавно урезали порции, нет ничего удивительного в том, что по ночам Ли Эр-лана донимал голод. При таком объяснении ни у кого не возникло подозрений.

Матушка Ли все же не удержалась от упрека: — Хочешь есть — ешь лепешки, зачем кашу-то у ребенка всю подчищать? И миску вымой и верни на место.

Понимая свою вину и собираясь уже ответить согласие, Ли Эр-лан вдруг вспомнил, что миска-то улетела прямо в картину. — Она в комнате, я сейчас принесу и положу на место.

На этом инцидент был исчерпан.

Ли Сань-лан проследовал за братом в комнату и, едва тот устроился, поймал его на лжи: — Второй брат, миски-то в комнате нет.

Столкнувшись с пронизательным взглядом младшего брата, Ли Эр-лан ничуть не растерялся и сохранил невозмутимый вид: — Не расспрашивай об этом.

— Снова тот человек? — Ли Сань-лан мгновенно всё понял и тут же загорелся любопытством.
— Сы-лан молчит, и ты туда же?

Ли Эр-лан: — Не то чтобы молчу — нельзя говорить! Когда придет время, я все тебе подробно объясню, а пока — ни в коем случае. Тебе достаточно знать, что он — наш благодетель.

Теперь Ли Сань-лан всё понял и больше не стал допытываться: — Ладно.

Цзи Цинъюэ еще некоторое время прислушивался. Шум во дворе постепенно затих, ругань прекратилась, и он наконец выдохнул, возвращаясь к своим повседневным заботам.

Умывшись и полив грядки, он принялся за вчерашнее незаконченное дело.

На четвертый день после посадки все овощи успешно прижились. На данный момент из семи видов семян удалось распознать лишь рис, лук-батун и сельдерей; что представляют собой остальные четыре, пока оставалось загадкой — оставалось ждать, пока они пустят новые побеги и проявят свои характерные черты.

Наточив камни, Цзи Цинъюэ продолжил рубить деревья: чтобы построить печь, требовалось полностью расчистить площадку.

Один из крупных прочных камней он расколол так, чтобы тот стал плоским с одного конца и округлым с другого. Затем он отточил плоский край до остроты лезвия, а округлую часть привязал лианами к прочной палке.

Простейший каменный топор был готов.

Зажав в одной руке булыжник, Цзи Цинъюэ наносил удары по обуху топора, вбивая его в древесный ствол, затем выковыривал обратно, смещался в другое место и снова загонял топор в дерево. Так, монотонно чередуя удары и поддевания, сломав попутно несколько самодельных топоров, он наконец свалил одно дерево.

Эффективность оказалась до ужаса низкой.

В этот момент снаружи снова раздался голос Ли Эр-лана: — Бессмертный! Вы здесь?

Такая настойчивость вызвала у Цзи Цинъюэ легкое недоумение: почему этот человек совсем не боится? Неужели он такой же безумный храбрец, как и Ли Сы-лан?

— Я принес вам поесть!

Цзи Цинъюэ вышел на мостик: — Главное, что с Туань-ланом все хорошо. Не стоит так утруждаться.

В этот раз Цзи Цинъюэ не стал прятаться и ответил незамедлительно, чем очень обрадовал Ли Эр-лана: — Капля добра должна вернуться источником, не говоря уже о спасении жизни.

Цзи Цинъюэ не хотел развивать эту тему: — Из-за меня в прошлый раз досталось Сы-лану, мне уже совесть не позволяет. А из-за вчерашней еды тебе сегодня едва не влетело от домашних. Больше не носи ничего.

Ли Эр-лан: — Разве вы не голодны?

Вопрос пришелся в самую точку. Цзи Цинъюэ не мог ни подтвердить, ни опровергнуть это, разом лишившись дара речи.

Ли Эр-лан из лучших побуждений не стал развивать скользкую тему, а пояснил: — Я обычно ем много, матушка не заподозрит неладное.

— Постоянно обманывать семью — все равно нехорошо. Если уж так хочешь отблагодарить меня, одолжишь топор? — руководствуясь философией «ужаленных вшей не боятся», Цзи Цинъюэ решил идти ва-банк.

— Топор? Зачем он вам, бессмертный? — Железный топор был ценностью в доме, и Ли Эр-лану пришлось задать этот вопрос с осторожностью.

— Деревья рубить.

— Деревья рубить? — Ли Эр-лан поднял взгляд на нарисованные тушью сосны и лишь молча поразился этому чуду. — Хорошо. Бессмертный, возьмите еду, а то у меня нога повреждена, долго держать тяжело.

Сколько там весила та миска.

Больше не споря, Цзи Цинъюэ забрал еду.

Сегодня на обед снова была каша, на сей раз с соленьями.

Усевшись на мостике, Цзи Цинъюэ принялся за еду. Он и так наелся досыта прошлым вечером, а утром навернул целую миску каши, так что предсказуемо объелся.

Какое странное ощущение.

Ли Эр-лан неторопливо вошел во двор, держа в одной руке Туань-лана, а в другой волоча топор.

Приняв тяжелый топор, Цзи Цинъюэ радостно улыбнулся: с ним вырубка деревьев пойдет куда веселее.

— Бессмертный, не могли бы вы вернуть миску? Если матушка заметит пропажу посуды, она точно поднимет тревогу.

Цзи Цинъюэ сообразил, что тот прав, и поспешно вернул обе вымытые миски. — Спасибо.

— Не за что, это я должен благодарить вас. Днем мне неудобно отлучаться, я принесу ужин с наступлением темноты, хорошо? — Не дожидаясь отказа, Ли Эр-лан опрометью бросился прочь.

Цзи Цинъюэ слегка растерялся. Его что, взяли на полное содержание?

Считать ли это приятным сюрпризом?

<http://bllate.org/book/21408/2184631>